

Пролог

Каждому есть что рассказать. Но что, если у вас нет своей истории? Как тогда быть? Дженис нашла выход из положения — она стала собирать истории других людей.

Однажды она смотрела церемонию вручения премии «Оскар», и ей запомнилась вступительная речь знаменитой актрисы — Гордости британской нации. Та рассказывала, что в молодости, до того как стать Гордостью нации, убирала чужие дома. Юная и преисполненная надежд, она вставала перед зеркалом в хозяйской ванной, держа бутылку средства для чистки унитазов и воображая, будто у нее в руках заветная золотая статуэтка. Дженис задалась вопросом: а если бы Гордость нации не сумела пробиться в актрисы, чем бы она сейчас занималась? Может, до сих пор работала бы уборщицей, как Дженис. Они примерно одного возраста — обеим хорошо за сорок — и даже внешне немного похожи. Ну, возможно, не так похожи — тут Дженис улыбнулась, — но обе невысокие и с легким намеком на будущую полноту. Может

быть, Гордость нации тоже собирала бы истории разных людей?

Дженис не помнит, с чего началась ее коллекция. С эпизода из чужой жизни, мельком увиденного из окна автобуса, когда она ехала на работу через пригороды Кембриджа? Или с отрывка разговора, который она случайно услышала, когда мыла раковину? Вскоре Дженис заметила: пока она вытирает пыль в гостиной или размораживает холодильник, люди рассказывают ей свои истории. Наверное, они всегда так делали, но однажды все изменилось: теперь эти рассказы западали Дженис в душу, и она начала их собирать. Она отдает себе отчет в том, что выступает в роли сосуда, правда очень восприимчивого. Слушает истории и лишь слегка кивает, давая понять: ей прекрасно известно, что она всего лишь простая невзрачная чаша, в которую люди изливают души.

Часто эти истории удивляют Дженис, порой они ее смешат и увлекают. Одни пропитаны сожалением, другие очень оптимистичны. Наверное, люди разговаривают с ней, чувствуя, что Дженис им верит. Ее приводит в восторг все неожиданное, и любые приукрашивания она принимает за чистую монету. Дома по вечерам, когда муж вместо историй обрушивает на нее монологи, Дженис вспоминает свои любимые истории и по очереди наслаждается ими.

Глава 1

НАЧАЛО ИСТОРИИ

В понедельник последовательность всегда одна и та же: в начале смех, а в конце грусть. Будто две разномастные подпорки для книг, смех и грусть поддерживают ее распорядок. Дженис нарочно составила такой график: когда с утра тебя ждет возможность повеселиться, из-под одеяла вылезти легче, к тому же заряд бодрости помогает выдержать то, что предстоит потом.

Дженис обнаружила, что хорошая уборщица сама себе хозяйка: дни и время работы определяет по своему усмотрению и порядок обслуживания клиентов тоже, что очень важно для гармоничного понедельника. Добросовестную уборщицу найти трудно — это факт общеизвестный. Однако неожиданно большое количество жителей Кембриджа полагает, что Дженис — уборщица выдающаяся. Хотя громкое слово «выдающаяся» ее смущает. Эту похвалу в свой адрес Дженис случайно подслушала, когда одна из ее клиенток болтала с подругой за кофе. Выдающейся женщиной Дженис уж точно назвать нельзя. Хорошая ли она уборщица? Пожалуй, да. Во всяком случае, опыт у нее

обширный. Остается лишь надеяться, что ее жизненный путь не обобщат одной фразой: «По части уборки она была мастерица».

Выходя из автобуса, Дженис кивает водителю, стараясь выбросить из головы мысль, которая в последнее время все больше не дает ей покоя. Водитель кивает в ответ. На секунду Дженис показалось, будто он хочет что-то сказать, но тут автобус с шумным вздохом закрывает дребезжащие двери.

Автобус отъезжает, а Дженис стоит и смотрит на противоположную сторону длинной зеленой улицы. В одних частных домах горит свет, темные окна других закрыты шторами. Сколько же историй скрывается за всеми этими окнами! Но сегодня утром Дженис интересуется только одна — история человека, живущего в доме на углу. Этот особняк в эдвардианском стиле напоминает лабиринт. Хозяина зовут Джорди Боумен. Дженис сомневается, что другие ее клиенты знакомы с Джорди. Вряд ли они вообще знакомятся через нее. Это хорошо, таким и должен быть правильный порядок вещей в ее мире, считает Дженис. Но, несомненно, все они слышали об этом человеке. Кто же не слышал о Джорди Боумене?

Больше сорока лет он прожил в одном и том же доме. Начал с того, что снимал здесь комнату — арендная плата в Кембридже намного ниже, чем в Лондоне, где он работал. А потом Джорди женился и в конце концов выкупил дом у хозяйки.

Им с женой не хватило духу выгонять других жильцов, поэтому растущее семейство обитало бок о бок с разношерстной компанией художников, ученых и студентов. Однако постепенно те съехали сами, один за другим. Стоило кому-нибудь из съемщиков освободить комнату, и среди членов семьи за нее тут же разгоралась борьба.

— Вот уж кто хитрее всех, так это Джон, — с гордостью вспоминает Джорди. — Жильцы еще собраться не успели, а он уже свои вещи в их комнату тащит!

Джон — старший сын Джорди. Теперь он живет в Йоркшире, и у него своя семья. Остальное потомство Джорди раскидано по всему земному шару, но дети навещают отца, когда есть возможность. Энни, любимая жена Джорди, умерла несколько лет назад, но в доме все осталось точно так же, как при ней. Каждую неделю Дженис поливает комнатные растения — некоторые разрослись так, что размерами напоминают кусты, — и смахивает пыль с коллекции романов американских писателей. Джорди только рад, когда она берет книги почитать, и время от времени Дженис уходит домой с томиком Харпер Ли или Марка Твена: она выбирает сюжеты, поднимающие настроение.

Дженис не успела достать ключ, а Джорди уже распахнул перед ней дверь.

— Точность — вежливость королей, — громогласно возвещает Джорди, мужчина внушительного телосложения, и голос у него под стать. —

Заходите, — приглашает он. — Для начала выпьем кофе.

Это значит, что Дженис должна сварить для них крепкий кофе и, главное, не жалеть горячего молока: все, как любит Джорди. Именно такой кофе варила Энни. Дженис не возражает. В основном Джорди обслуживает себя сам. Еду ему готовят, только когда он в Лондоне, за границей или в пабе. И Энни, наверное, была бы рада, что Дженис время от времени его балует.

История Джорди — одна из ее любимых. Она напоминает Дженис о силе человеческого духа. А еще его история определенно учит тому, что нужно использовать свои таланты, но на этом Дженис предпочитает не заострять внимания: слишком много сходства с библейскими историями из ее детства, вдобавок ей не нужны лишние напоминания о том, что у нее самой таланты отсутствуют. Она отмахивается от этих мыслей и сосредоточивается на силе духа мальчика, которому предстоит стать тем Джорди Боуменом, которого она знает.

Вырос Джорди в Ньюкасле. Где же еще? Его настоящее имя то ли Джон, то ли Джимми. Она точно не помнит. Но со временем как-то само собой получилось, что он превратился в Джорди. Жил он в квартале возле порта, где работал отец. У них была собака, которую отец обожал — не то что сына, — а самой ценной вещью в доме являлся сундук для вин в форме гондолы, пока не были

изобретены плазменные телевизоры. Однажды ранним вечером четырнадцатилетний Джорди шатался по улицам Ньюкасла. Их собака покусала соседа, и отец жаждал крови — соседской. Поняв, что разум отца и логика вылетели в окно, Джорди выбежал через заднюю дверь. Вечер был холодный, повсюду снег, а на нем только тонкая курточка. Но домой парню идти не хотелось. Вместо того чтобы пойти направо, в сторону порта, Джорди свернул налево, в переулок, и прошмыгнул через боковую дверь в здание городской мэрии.

Попав в концертный зал, мальчик забрался повыше, на галерку. Там было тепло, и снизу его вряд ли могли заметить. Так он сидел за осветительными приборами — самое теплое местечко! — и ел плитку шоколада, которую стащил из киоска. И тут Джорди услышал пение. Первая же высокая нота вонзилась ему в грудь, точно копьё, и пригвоздила к месту. Парень не то что оперу ни разу не слушал — вообще не знал, что это за штука. И все же музыка проникла ему в самое сердце. Позже в своих телевизионных интервью Джорди будет говорить: когда он умрет, во время вскрытия обнаружат партитуру «Богемы», обернутую вокруг его сердца.

Домой Джорди вернулся то ли на пару дней, то ли на пару недель — сам не заметил на сколько. За это время он придумал план. Северо-Восточная Англия оперой не славится, а значит, здесь Джорди делать нечего. Надо перебираться в Лондон.

Там всяких пижонских штучек полно, наверняка и опера есть. Вот только как попасть в Лондон? Без денег ни в поезд, ни в автобус не пустят. Остается одно — топать на своих двоих. Именно так Джорди и поступил. Набрал в рюкзак столько продуктов, сколько мог унести, и прихватив украденную из гондолы бутылку, он отправился на юг. В дороге Джорди познакомился с бродягой, и значительную часть пути они проделали вместе. За это время бродяга рассказал ему много полезного о городской жизни и научил, как во время пути всегда ходить в чистой одежде. Нужно просто снять с веревки выстиранные вещи и повесить на их место свои грязные. Затем процедура повторяется возле следующей подходящей веревки, и так далее.

В Лондоне Джорди сразу принялся обходить всевозможные концертные залы. Бродяга составил для него список мест, где можно попытаться счастья. В конце концов Джорди получил работу мальчика-реквизитора. А что было дальше, всем известно.

Муж Дженис, Майк, ни разу не видел Джорди. Это не мешает ему во время походов в паб говорить о знаменитом оперном певце, будто о старом друге. На людях Дженис с Майком не спорит. Не сказать, чтобы муж был благодарен ей за деликатность. У себя в голове он уже много раз болтал с Джорди по душам. Когда Майк разглагольствует о всемирно известном теноре — «Между прочим,

он был фаворитом королевы», — Дженис утешается мыслью, что на самом деле они никогда, никогда не встретятся. Бывает, что Майк «удаляется по нужде», и тогда Дженис уже в который раз приходится оплачивать счет. В такие моменты она вспоминает, как Джорди пел для нее одну из своих любимых арий, пока она чистила духовку.

В последнее время пение Джорди становится все громче и громче. Дженис это беспокоит. Она заметила, что иногда ей приходится кричать, чтобы привлечь его внимание, а некоторые ее слова до него и вовсе не доходят.

А после кофе Джорди бродит за Дженис по дому, как тень. Она чистит дровяной камин или подкладывает туда растопку и дрова, а Джорди маячит в дверях. Похоже, он нуждается в ободрении. Для такого известного человека Джорди удивительно скромнен и не любит себя выпячивать.

— Вы куда-нибудь ездили? — спрашивает Дженис, надеясь подтолкнуть Джорди, ведь он явно хочет чем-то с ней поделиться.

Дженис угадала с первого раза. Джорди расплывается в улыбке:

— Да так, махнул ненадолго в Лондон. Эх, милая, каких только козлов там не встретишь!

— Могу представить, — произносит Дженис, надеясь, что ее ответа достаточно, чтобы Джорди продолжил.

К счастью, ему только этого и надо было.

— Еду я в метро, и тут заходит этот нахал. В вагоне, конечно, народу много, но особой давки

нет. В общем, все терпят, никто не ноет. Двери уже закрываются, и тут в последнюю минуту протискивается какой-то тупой пижон — и давай выступать...

Тут Джорди довольно-таки убедительно изобразил пижона-козла, и Дженис улыбнулась. Все-таки правильно она составила график: и день, и всю неделю следует начинать именно с Джорди.

А между тем тупой пижон в исполнении Джорди разошелся вовсю:

— Что вы стоите? Подвиньтесь! Здесь еще полно места, я же вижу! А тесно оттого, что вы толпитесь! Ну что за люди? Неужели трудно пройти в другой конец вагона? Давайте пошевеливайтесь! — Джорди выдерживает паузу, убеждаясь, что слушательница — вся внимание. — И тут из дальнего угла вагона раздается голос. Другой парень — похоже, лондонец — возьми да крикни: «Приятель, а ты разинь варешку еще шире! Уж двоих человек мы туда точно запихнем!»

Дженис рассмеялась.

— Тут пижон мигом заткнулся, — закончил рассказ довольный ее реакцией Джорди.

Но Дженис ему не проведи. Она-то знает, что нахала в метро осадил не кто-нибудь, а сам Джорди. Это он поставил пижона на место. Джорди слишком скромный, чтобы хвастаться, но Дженис и так все ясно. Она живо представляет, как его звучный голос разнесся по всему вагону, а другие пассажиры одобрительно засмеялись.

Довольный произведенным эффектом, Джорди уходит, а Дженис продолжает работу. Она тянется за тряпкой и думает: наверное, общение с такими людьми, как Джорди, — это уже счастье, чего ей еще желать? Многие люди, в домах которых она убирает, расцветивают ее жизнь новыми красками, и Дженис надеется, что и она тоже привнесит в их жизнь что-то свое, хотя бы чуть-чуть. Она протирает книжную полку, но вдруг ее рука с тряпкой замирает на середине. Откровенно говоря, Дженис не очень-то в это верит, и ей становится неудобно. Чужие истории принадлежат другим людям. Если она играет в них хоть какую-то роль, то всего лишь эпизодическую. Она снова вспоминает про Гордость нации и пытается представить, как знаменитая актриса прибирается в музыкальном салоне Джорди и стоит с тряпкой в руке возле полок с партитурами. Смогла бы Гордость нации довольствоваться такой жизнью? Смущенная, Дженис снова принимается вытирать пыль. Собственный вопрос кажется ей ужасно глупым.

Перед уходом ей представляется еще одна возможность пообщаться с Джорди. Сейчас она пораньше пойдет на ланч, а затем отправится в дом к следующему клиенту. На улице пасмурно, и пронизывающе холодный февральский воздух просачивается внутрь. Джорди помогает ей надеть пальто.

— Спасибо, а то в такую погоду и простудиться недолго. Холодает прямо на глазах.

— Что? Простудились? Тогда поберегите себя, — советует Джорди.

— Нет, я здорова, — отвечает Дженис, на этот раз громче. — Я говорю: холодает, простудиться недолго!

Джорди подает ей шарф:

— Ну, до встречи на следующей неделе! И смотрите подлечитесь!

Дженис сдается.

— Мне уже лучше, — заверяет она, и это чистая правда.

Джорди закрывает за ней дверь, а Дженис пытается решить, чего в трагикомедии жизни больше — комедии или трагедии?

Глава 2

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

— **Н**у конечно, во всех библиотеках водятся привидения. Это же общеизвестный факт: призраки любят читать.

Молодой человек спускается по лестнице в библиотеке и с серьезным видом говорит все это своей спутнице — девушке лет двадцати пяти. Дженис с удовольствием последовала бы за ними, чтобы из их разговора разузнать побольше о привидениях. Тон молодого человека исполнен такой стопроцентной уверенности, будто он рассказывает своей подруге, что по небу летают птицы, а над ними плывут облака. Мысль о библиотечных привидениях интригует Дженис. Что, если сегодня она повстречает одно из них? В свой перерыв на ланч Дженис частенько забегает в библиотеку, чтобы сдать книгу, взять новую и потихоньку сжевать сэндвич за столиком, скрытом в укромном уголке между стеллажами.

Но никаких привидений Дженис не встретила — только сестер. То, что эти две библиотекарки сестры, видно сразу. Волосы у них одного и того же своеобразного оттенка каштанового: одни

пряди рыжевато-золотистые, другие медные. У младшей сестры волосы до плеч, концы загибаются внутрь, у старшей — длинная коса, которую она носит чуть набок. Из-за этой прически старшая сестра напоминает Дженис маленькую девочку, хотя той наверняка под пятьдесят. Дженис считает, что коса очень идет библиотекарше, а вплетенные в волосы разноцветные нити ей особенно нравятся. Она знает об этих женщинах немного — только то, что они действительно сестры и всего их в семье четверо. Младшая, та, что с волосами до плеч, как-то сказала ей: «Мама родила четырех девочек. Папа хотел сына, но мальчик никак не получался». Старшая сестра выразительно добавила: «Четыре дочери, представляете! Бедняга! Полный дом женщин». А младшая объяснила, что все четыре сестры очень близки и похожи друг на друга как две капли воды. «Но вообще-то, мы совсем разные», — сочла нужным вставить старшая сестра. Младшая кивнула: «Мы друг друга называем Умница, Красавица, Командирша и Малышка». Обе засмеялись. «Семейная шутка», — пояснила старшая. «Да, юмор для своих», — подтвердила младшая и улыбнулась сестре.

Дженис сразу подумала про собственную сестру и попыталась представить, как они работают бок о бок, разбирая книги в библиотеке Кембриджа. Она понимает, что это просто фантазия: от сестры ее отделяют тысячи миль и воспоминания, о которых она не говорит вслух. Но под настроение Дженис проигрывает в уме эти сцены

так же, как истории, к которым ей хочется вернуться. Библиотекарши не знают, что Дженис тоже сестра, зато им известно, как она любит книги, и они с удовольствием обсуждают с ней ее любимые произведения. Сестры не из тех, кто считает, будто в библиотеке обязательно надо соблюдать тишину. «Это же естественно: тот, кто любит читать, любит и говорить о книгах», — как-то заметила младшая.

Дженис пробовала угадать прозвища сестер. Спрашивать она не хотела — вдруг ошибется? Но она думает, что младшая — наверняка Красавица, а старшая — или Умница, или Командирша. Как-то раз перед закрытием она выпроводила всех посетителей меньше чем за две минуты.

Сегодня сестры приветствуют ее почти хором:
— Дженис, пришла ваша книга.

Сейчас она перечитывает произведения, которые давно знает и любит, поэтому заказала «Неуютную ферму» Стеллы Гиббонс.

Дженис с благодарностью берет книгу, а потом решается спросить:

— Как думаете, в библиотеке водятся привидения?

Чуть не провалившись под землю от смущения, Дженис удивляется, как молодой человек мог рассуждать на эту тему с такой непробиваемой уверенностью.

Старшая сестра перегибается через стойку:

— Странно, что вы об этом заговорили. Сегодня вы вторая, кто интересуется библиотечными призраками.

Пейдж С.

- П 97 Хранительница историй : роман / Салли Пейдж ; пер. с англ. А. Осиповой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с.
ISBN 978-5-389-22556-5

Она не помнит, с чего началась ее коллекция. Может быть, с обрывка разговора, случайно услышанного, когда она чистила раковину в кухне? Дженис заметила, что люди рассказывают ей о себе, пока она вытирает пыль в гостиной или размораживает холодильник, и с определенного момента стала прислушиваться, вникать в эти истории, собирать и хранить их... Только так можно по-настоящему узнать людей и понять, что за общество тебя окружает. При этом никто не интересовался жизнью Дженис, пока та не начала работать у миссис Би. Впрочем, Дженис, по ее мнению, нечего рассказывать. Но миссис Би в свои девяносто два года умна и проницательна, она подозревает, что история Дженис заслуживает самого пристального внимания...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

САЛЛИ ПЕЙДЖ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИСТОРИЙ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Елена Терскова

Подписано в печать 31.01.2023. Формат 84 × 100 1/8.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-ЖМ-31533-01-R